

Это и заставило Ся Юэ окончательно решить не тратить силы на придумывание лжи, а просто говорить туманно и неопределенно, чтобы нельзя было проверить правдивость и найти подозрительные моменты. В конце концов, никто не сомневался, что этот Юнь Ся Юэ был настоящим. Мифология Лоюэ была простой, богов было мало, и люди в целом относились к ним с благоговением, а рассказов о духах и призраках было очень мало, поэтому, говоря о невероятных вещах, все обычно считали это божественным даром, а не проделками демонов.

Ся Юэ не знал, что господин Юнь верил в это. Или, скорее, все владельцы винокурен верили в богов.

В Лоюэ каждая винокурня поклонялась Богу Вина. В глазах виноделов Бог Вина был высшим существом, именно он благословлял процесс создания вина, предотвращая его порчу. В эпоху, когда не знали о микроорганизмах, процесс создания вина был таинственным, но если бы дело было только в этом, господин Юнь не стал бы так легко верить словам Ся Юэ.

Когда папа Юнь был беременен, господин Юнь сопровождал его к известному гадалке в городе, и тот сказал, что с ребенком в будущем произойдет что-то необычное. Папа Юнь думал, что гадалка имел в виду болезнь Юнь Ся Юэ, из-за которой он пролежал в коме три года, но теперь господин Юнь считал, что гадалка говорил о сне, о котором рассказывал Ся Юэ.

Ся Юэ не знал об этом. Он смотрел на задумчивого господина Юня, тщательно обдумывая свои слова. Они казались ему неубедительными, полными дыр, но в Лоюэ они не должны были вызывать подозрений.

Господин Юнь не молчал долго. Независимо от причины, он был рад изменениям в сыне. Он даже считал это огромным сюрпризом, и теперь ему казалось, что три года комы сына были того стоят.

Он налил себе вина, выпил залпом и рассмеялся:

— Теперь все хорошо, у меня есть сын, который составит мне компанию за вином. Папа Юнь не любит пить со мной, и теперь я не буду один.

Ся Юэ, видя, как господин Юнь улыбается как ребенок, почувствовал облегчение и ответил с улыбкой:

— Да, в будущем я буду пить с вами, отец. И если вы позволите, я бы хотел помочь вам в создании вина.

Господин Юнь замер, медленно повернулся к Ся Юэ, и его взгляд стал глубоким:

— Ты понимаешь, что это значит?

Ся Юэ улыбнулся и кивнул:

— Понимаю.

— Ты уверен? — в глазах господина Юня появился жар.

— Конечно, отец, — Ся Юэ выпрямился, его голос был серьезным, а в глазах читалась решимость. — Раньше я был упрямым и не способным, заставлял вас переживать. Но теперь я хочу помочь вам, дайте мне этот шанс.

Господин Юнь глубоко смотрел на Ся Юэ, не говоря ни слова, его губы сжались, и Ся Юэ заметил, что он слегка дрожал.

— Хорошо! Хорошо! Хорошо! — через мгновение господин Юнь рассмеялся, трижды повторив это слово.

Ся Юэ опустил голову, не решаясь смотреть на лицо господина Юня, и, услышав, как его смех стихает, краем глаза увидел, как тот поднимает рукав, а затем опускает его.

Господин Юнь не хотел, чтобы сын видел его слезы, и, заметив, что Ся Юэ специально опустил голову, чтобы он мог вытереть их и привести себя в порядок, внутренне похвалил его за тактичность.

Вернувшись к своему обычному серьезному выражению, господин Юнь быстро обдумал план.

— Завтра первый день нового года, в винокурне будет церемония поклонения Богу Вина. Ты пойдешь со мной. После церемонии я покажу тебе винокурню.

Ся Юэ не ожидал, что сможет попасть в винокурню так скоро. Он сдержал свое волнение и кивнул.

Господин Юнь выпил бокал вина, задумался и снова засмеялся:

— В марте будет дегустационное собрание, мы поедем в столицу. Теперь я хочу посмотреть, кто сможет похвастаться своим сыном передо мной. Я заставлю всех этих людей завидовать мне.

Э-э...

Ся Юэ смотрел на отца, который становился все радостнее, выпивая бокал за бокалом, и не знал, что сказать.

Видимо, отец часто сталкивался с хвастовством других отцов. Ся Юэ с легкой досадой подумал, что, помимо дегустации вин, ему придется еще и поддерживать репутацию отца.

Господин Юнь пил быстро, бокал за бокалом.

Ся Юэ, сначала радуясь его хорошему настроению, тоже пил, но когда он очнулся, то увидел, что двухлитровая бутылка уже наполовину пуста. Испугавшись, он поспешил остановить отца, ведь вечером был новогодний ужин, и если он выпьет слишком много, что тогда делать.

Господин Юнь заметил, что сын после пробуждения не только полюбил вино, но и стал ближе к отцу, и это сделало его еще счастливее. Он с радостью послушался и поставил бокал.

В этот момент слуга Ся Юэ подошел и сказал, что нужно идти к воротам дома менять персиковые талисманы.

Теперь пить точно было нельзя, Ся Юэ согласился, и господин Юнь, видя, что вино больше не пьется, решил пойти вместе с ним.

В Лоюэ на Новый год вешали персиковые талисманы, но не для привлечения удачи, как это делали с парными надписями, а для изгнания злых духов. Ся Юэ у ворот дома изучал два талисмана. Это были прямоугольные дощечки из персикового дерева, на которых были вырезаны не Шэнь Ту и Юй Лэй, а непонятные ему символы, которые, как говорили, были заклинаниями для очищения от злых сил.

В Лоюэ, где не было веры в призраков, под «злыми силами» понимали любую плохую энергию, и все плохое здесь называлось «злой силой».

Ся Юэ снял старые талисманы, стряхнул с них снег и увидел, что они потемнели по сравнению с новыми, а при внимательном рассмотрении казались почти черными.

Он подумал, не это ли и есть та самая «злая сила».

Сложив два старых талисмана, он передал их слуге, который держал красную ткань. Слуга быстро завернул их в ткань. Говорили, что старые талисманы, впитавшие злую силу, нужно сжигать в храме.

Собственный опыт заставил Ся Юэ относиться к сверхъестественному с благоговением. Он аккуратно повесил новые талисманы, в душе молясь, чтобы невидимые боги защитили семью Юнь.

Раз уж неведомые боги дали ему эту возможность, они вряд ли хотели, чтобы он здесь ничего не добился и даже разрушил семейное дело. Ся Юэ не считал себя избранным, он просто хотел жить здесь спокойно.

Пока Ся Юэ с серьезным лицом смотрел на новые персиковые талисманы, молясь в душе, стоящий рядом слуга незаметно оглядел улицу.

Господин Юнь заметил это и, следуя его взгляду, покачал головой.

За углом, за деревьями, прятались цингуани, которые только что прошли мимо дома Юнь. Очарование сына всегда делало господина Юня гордым, но после свадьбы для отвода беды он стал относиться к тому, что цингуани любили его сына, с неудовольствием.

Здорового, элегантного молодого человека из семьи Юнь вы любили, но когда он оказался в беде, куда делась эта любовь? Господин Юнь, конечно, не считал, что другие цингуани должны были пожертвовать своей жизнью ради его сына, но как отец он не мог не чувствовать обиды. Когда никто не хотел свататься, а те, к кому обращались, отказывали, это чувство было очень сильным.

Раз уж вы отказались в трудное время, зачем теперь, когда он выздоровел и снова стал прекрасным молодым человеком, смотреть на него с обожанием?

Увидев, как несколько цингуаней подходят ближе, словно хотят заговорить, господин Юнь не стал проявлять учтивости и, не обращая на них внимания, позвал Ся Юэ вернуться в дом:

— Пойдем в дом.

Ся Юэ, ничего не зная о происходящем, услышав слова отца, шагнул за ворота, не оглядываясь. Слуга закрыл ворота, оглядел остановившихся в нескольких шагах цингуаней, фыркнул и, держа в руках красный сверток со старыми талисманами, ушел.

Ему нужно было спешить в храм, а этим, которые интересовались только внешностью и состоянием молодого хозяина, было далеко до настоящей супруги, фу.

Когда слуга вернулся в дом семьи Юнь, снег, который перестал идти днем, снова начал падать. Он, съжившись, побежал в восточный двор, где жил Ся Юэ, и был вызван в комнату.

Ся Юэ протянул слуге чашку горячего чая, чтобы он согрелся, и, видя, как тот с удовольствием пьет, улыбнулся. Когда слуга согрелся, он начал объяснять, что нужно сделать вечером.

Когда солнце полностью скрылось, новогодний ужин в семье Юнь начался.

В Лоюэ не было пельменей, и это немного огорчало Ся Юэ. Он подумал, что, может быть, в следующем году стоит попробовать их приготовить.

<http://bllate.org/book/16466/1494860>